

The background of the entire image is a high-contrast, black and yellow photograph of a massive explosion. A bright, glowing yellow core of fire and smoke is at the center, with numerous sharp, radiating lines of light and debris extending outwards in all directions, creating a sense of intense energy and destruction.

Марина Верис
**"ДЫМ над
Балканами"**

Марина Верис

" Дым над Балканами'" "

«Автор»

2026

Верис М.

" Дым над Балканами" / М. Верис — «Автор», 2026

Поручик Петр Воронцов идет на войну с Османской империей не ради чинов- он хочет смыть кровью позор крепостничества и проверить на прочность идеалы юности. Варвара Столыпина, дочь влиятельного сенатора, сбегает из душного бального зала прямо в полевой лазарет, презрев отцовские деньги и мольбы матери Их пути пересекаются среди ледяных ветров перевала Шипка и грязи под стенами Плевны. Между Петром и Варварой , вспыхивает чувство, способное согреть даже в " белом аду" балканских вершин. Но у войны свои законы, и встречать рассветы им мешает тень безжалостного командира башибузуков Ахмеда- бея, для которого эта кампания- не рыцарский поединок, а вопрос выживания Востока против Запада

© Верис М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Марина Верис

" Дым над Балканами"

Глава 1

Эпиграф: " Ибо нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя"

Январь 1877 года выдался в столице на редкость промозглым, Финский залив дышал такой стужей, что гранитные набережные Невы покрылись толстой коркой мутного льда, а газовые фонари на Литейном едва пробивали густую взвесь из снега и угольного дыма.

В дворянском собрании давали благотворительный бал в пользу Общества попечительства о раненых. Огромный зал с белыми колоннами тонул в ослепительном свете тысячи свечей, отражавшихся в навощенном паркете. Воздух был плотным, сладковатым- пахло французскими духами" Любимый букет императрицы", разогретым воском, сигарным дымом из соседней бильярдной и легкой гнильцой от мокрых шинелей, которые слуги свалили в огромную гору в гардеробе

Поручик Петр Воронцов стоял у мраморной балюстрады хоров , прячась за тяжелой портьерой цвета увядающей розы. Его новенький мундир лейб- гвардии Егерского полка сидел безупречно, сапоги горели черным лаком, но под ложечкой сосало глухое, тошнотворное чувство самозванца. Вокруг него жила своей жизнью чужая планета. Пожилые сановники с орденскими лентами через плечо лениво обсуждали курс рубля; юные камер- юнкеры похожие на фарфоровых кукол, жеманно склонялись к ручкам девиц на выданье. С галереи лились звуки вальса Штрауса, который капеьмейстервы выписывал из самой Вены

Все это казалось Петру чудовищным мороком. Три дня назад он вернулся из своего имения в Псковской губернии, где крестьяне вторую неделю сидели на мерзлой брукве, а староста прятал глаза, докладывая о недоимках. Там люди считали копейки до весны, молились обо дном- чтобы хватило дров протопить печи. А здесь в десяти верстах от черных изб, графиня Трубецкая только что проиграла золотой браслет с изумрудами и смеялась так звонко, словно рассыпала по паркету серебрянные колокольчики.

- Поручик, вы прячетесь от государя императора?- раздался рядом тихий, насмешливый голос.

Петр вздрогнул и обернулся. Из тени колонны выступила Варвара Столыпина. На ней было платье из тяжелого лионского бархата глубокого винного цвета. Скромный, почти траурный покррой без блесков и лишних оборок делал ее похожей не на дебютантку, а на строгую католическую монахиню, если бы не открытая шея и дерзкий блеск в глазах. Она единственная на всем балу не носила перчаток, и ее тонкие пальцы были странно холодны.

- Я экономлю место для танцев, княжна,- ответил Петр, стараясь чтобы голос звучал ровно.-Боюсь, мои стоптанные подошвы испортят ваш паркет

Варвара медленно обвела взглядом кружащиеся пары. Ее глаза тронула кривая усмешка.

- Ваш паркет , поручик. Это дом ваших предков. Мой отец купил титул вместе с акциями Николаевской железной дороги пять лет назад. Так что мы оба здесь гости. Только я пришла сюда добровольно, сбежав от очередного жениха с рыбьей кровью, которого мне сватает маман, а вас притащил долг по службе при дворе. Верно?

Ее прямолинейность обезоруживала. Петр привык к салонному пустословию, к намекам и полутонам. Эта же девушка говорила рубленными фразами, глядя прямо в глаза. Он заме-

тил, что она то и дело бросает быстрые взгляды на широкие двустворчатые двери , ведущие в вестибюль.

- Вы кого- то ждете?- спросил он.

- Жду момента, когда этот позолоченный гроб наконец заколотят,- отрезала Варвара.

- Посмотрите на них, Петр Андреевич. Они танцуют на костях. Мой старший брат Николай пишет с Кавказа: там вырезали целое село, женщины вспарывали себе животы кинжалами , чтобы не достаться казакам Шамиля- Паши. А здесь князь Голицын жалуется, что устриц привезли несвежих. Как они могут дышать одним воздухом?

Она говорила о вещах, о которых Петр и сам думал бессонными ночами в тесной офицерской квартире на Миллионной , кутаясь в тонкое суконное одеяло. Но слышать это от нее, дочери одного из самых влиятельных людей империи, сенатора Столыпина было дико и правильно одновременно.

- У вас есть план спасения?- тихо спросил Петр.

- Да,- кивнула она, и впервые за весь вечер ее лицо потеряло маску язвительной скуки, став серьезным и почти отчаянным.-Государь должен подписать манифест. Мы идем на Балканы. И я еду с ними.

Слова повисли между ними в душном воздухе зала, перекрыв на мгновение даже музыку. Петр смотрел на нее, пытаясь понять, блефует ли она. Дочь сенатора, фрейлина двора- в полевой лазарет? Под картечь? Безумие. Самое прекрасное безумие, которое он видел в своей жизни.

- Вас запрут в сумасшедшем доме прежде чем вы доберетесь до Варшавского вокзала,- сказал он.

- Пусть попробуют,- ее глаза опасно сузились.- Отец думает, что я пью лавандовый чай в своих покоях. Маман перебирает жемчуг. Если война начнется, им будет не до меня. Мне нужен пропуск. Не официальный- такие выдадут институткам и старым девам, которые будут падать в обморок от вида бинтов. Мне нужно попасть в передовой отряд. К тем, кто пойдет через Дунай первым. Вы можете помочь?

Музыка внезапно оборвалась. Вальс закончился, дирижер повернулся к залу, ожидая аплодисментов. Сотни лиц разом обернулись к царской ложе. В наступившей звенящей тишине тяжелые двери в конце зала распахнулись.

На пороге появился адъютант Великого князя Николая Николаевича Старшего. Весь в снегу, оставив пост городского следить за каретами, он прошел сквозь раступающуюся толпу прямо к возвышению. В руках он держал не приглашение, а простой казенный конверт из плотной коричневой бумаги.

Царь Александр II, беседовавший с германским послом, прервался на полуслове. Он принял конверт длинными пальцами, сломал массивную сургучную печать с двуглавым орлом и развернул лист.

Зал замер. Тысяча парглаз впились в спину монарха. Время растянулось, как старая резина. Петр слышал лишь оглушительный стук собственной крови в висках. Рядом с ним Варвара перестала дышать, вцепившись побелевшими пальцами в край портьеры.

Император дочитал текст. Его плечи обычно прямые как струна, чуть заметно дрогнули. Он поднял голову, поискал глазами хор певчих, перекрестился широким, медленным крестом и посмотрел на притихший зал.

Голос царя прокатился под высокими сводами негромко,но достиг каждого угла: - Господи,благослови русское оружие.Манифест подписан.Мы вступаемся за братьев наших по вере.

И в ту же секунду сотни газовых рожков вспыхнули ярче,люстры отозвались радостным звоном хрусталя,оркестр грянул встречный марш,а толпа единым выдохом исторгла восторженное,освобождающее " Ура"

Люди ринулись к друг другу, обнимались, дамы махали платками, шампанское полилось рекой. Никто не замечал, как стоявшая у колонны девушка в бархатном платье вдруг смертельно побледнела, пошатнулась и оперлась рукой о холодный мрамор, чтобы не упасть. И никто не видел, как поручик Воронцов, нарушая все правила этикета, шагнул к ней, снял со спинки ближайшего кресла чей-то чужой соболий палантин и набросил ей на плечи, заслоняя от слепящего света чужого ликования

- Значит, едем, - одними губами произнесла Варвара, не отрывая взгляда от сияющих дверей, за которыми начиналась настоящая Россия

Глава II

Санкт-Петербург сорвался с места на следующее утро. Город ещё вчера утопавший в чинной праздности, превратился в гудящий улей. По Невскому проспекту непрерывным потоком шли рекрутские подводы. Бородатые мужики в тулупах поверх праздничных косовороток испуганно прижимали к груди узелки с сухарями, провожаемый воем баб и сдержанными напутствиями отцов. Лавочники спешно переписывали ценники, в тридорога продавая английское седельное сукно и консервированную тушёнку системы Апперта. Газета "Голос" вышла с шапкой на всю полосу: "Крест над святой Софией", и мальчишки-разносчики охрипли, торгуя этим влажным свинцовым счастьем.

Для Петра Воронцова эта метель из приказов, рапортов и бесконечных построений стала спасением. Ненавистная парадная форма была убрана в сундук. Ему выдали походное снаряжение: тяжёлую шинель грубого серого сукна, вещмешок, куда едва поместился бритвенный прибор и томик Лермонтова, и винтовку Бердана номер один, пахнущую свежей ружейной смазкой и смертью. Гвардейский шик сменился суровой функциональностью. Полк грузили в эшелоны Варшавском на вокзале. Гудели паровозы, ржали лошади в товарных вагонах, унтер-офицеры матерились сиплыми голосами, утрамбовывая роты.

Петру полагалось ехать в классном вагоне, но он предпочел остаться среди своих солдат. Он сидел на перевёрнутом ящике из-под галет в прокуренный теплушке, пил кипяток из помятой алюминиевой кружки и слушал разговоры. Мужики говорили мало. Больше молчали, глядя в щели вагона на проносящиеся мимо черные еловые леса. Война для них была просто очень долгой дорогой на юг, разлукой с домом и неясной угрозой. Один старый канонир, до, поглаживая рыжие усы, долго вертел в руках иконку Николая Чудотворца, а потом вздохнул:

- Сказывают, турок, он веры басурманской, Магометовой. Креста не стоит. Значит, колоть его надо ниже пуговицы, прямо в требуху, иначе не возьмёшь

В столице оставалась другая жизнь, и Петр чувствовал затылком ее тяжёлый, требовательный взгляд. На третий день пути, когда эшелон намертво встал в пробке под Луной, пропуская литерный состав с артиллерией, в офицерский вагон принесли почту. Среди казённых пакетов с предписаниями лежал плотный конверт без обратного адреса, запечатанный женской монограммой.

Внутри оказался паспорт на имя Варвары Семёновна Беляевой, домашней учительницы, подорожная до Бухареста и сложенный вчетверо лист гербовой бумаги. Разрешение на прохождение медицинской практики в условиях действующей армии, подписанное самим Миرونным. Почерк сопроводительной записки был острым, летящим, без единой поправки:

" Я выезжаю завтра утром курьерским до Унген. Буду ждать вас в Яссах. Не пытайтесь отговорить меня, поручик, это бесполезные, чем учить камни говорить. Купила три фунта корпии отличный английский зажим для артерий. Надеюсь, ваше умение лечить пригодится нам раньше, чем ваша стрельба. Встретимся по ту сторону реки. PS Палантин верну после победы

Петр перечитал записку трижды. Запах духов "Л', Оригал", казалось, снова проступил через дешёвую бумагу. Он спрятал документы далеко во внутренний карман мундира, туда, где билось сердце. Теперь у него был долг не только перед императором, но и личная причина добраться до Дуная живым. Нужно было найти Сороку. Казак Ефим Сорока, прикомандиро-

ванный к полку проводником, славился тем, что мог добыть все: от лишней порции спирта до чистых портянок самого генерала Радецкого. Именно ему Петр собирался заказать самое опасное приобретение этой войны- настоящую свободу для одной столичной барышни.

Эшелон вернулся, лязгнув буферами, и медленно пополз вперёд, набирая ход навстречу ревущему югу. За окном мелькнул полосатый столб с двуглавым орлом- последняя верста России. Кто - то из ефрейтора затянул тягучую песню про Дикое поле, и десятки голосов тут же подхватили ее, заглушая стук колес.

Глава III

Ефим Сорока сидел на снаряжном ящике, поджав под себя босую ногу. Вторая, обутая в растоптанный ичиг, мерно покачивалась в такт чавканью сотен сапог по бессарабской грязи. Казак был похож на старый, выданный солнцем корень: кожа цвета дубленой сделки, лицо в сетке глубоких морщин и глаза белесые, как выверенное вкрутую яйцо. Он неторопливо чистил шомполом ствол трофейной винтовки Пибоди-Мартини, время от времени сплевывая табачную жижу прямо в лужу у колеса госпитальной фуры.

Петр подошёл неслышно, но Сорока учуял его запах- смесь одеколона "Тройной", которым поручик пытался перебить вокзальную гарь, и свежей суконной шинели.

- Не сиди над душой, ваше благородие, - не поднимая головы, буркнул казак. - У пороховой гари дух тяжёлый, а ты его своими барскими водами только крепче делаешь. Нюх отбивает.

Сорока наконец поднял глаза. Взгляд его стал острым, как заточенная пика. Он отложил винтовку, достал из голенища кисет и начал неспешно скручивать самокрутку, давая понять, что торг будет долгим.

- Тайное дело нынче дорого стоит, - протянул он. - Особенно такое, за которое полковой поп епитимью наложит, а военный суд - верёвку. Говори сразу, чего хочешь, чтоб я цену знал.

- Нужно перевести человека через Дунай. В передовой отряд генерала Гурко. Без подорожной, без бумаг. Как тень

Казак лизнул край бумаги, склеивая сигарку.

- Через Дунай сейчас даже вороны пешком ходят, вода низкая. Мосты забиты так, что мышь не проскочит. Жандармы свирепеют, лазутчиков вешают на собственных португях. А уж бабу... Бабу, ваше благородие, первый же унтер- офицер в кусты затащит для проверки документов, там и сгинет ваша княжна

У Петра похолодело в груди. Откуда? Он никому не называл фамилии и имени Варвары, да и сама она просила забыть про титул.

- Ты яснее говори, Ефим. Что знаешь?

Сорока усмехнулся, показывая единственный жёлтый зуб.

- Я все знаю, господин поручик. Знаю, что вы третьего дня до света бегали к почтовой станции. Знаю, что писарек из штаба вам паспорт на имя Беляевой выписывал левой рукой, буквы пляшут. И знаю, что сия госпожа учительница ни одного псалма наизусть не помнит, зато бинты крутит так, будто всю жизнь коров резала. Это не барышня бледная. Это беда с косой русой. Та-кую прятать- себе дороже.

Он прикурил от кресла, выпустил клуб сизого дыма Петру в лицо и прищурился. - Цена такая будет. Золотой империал. Сейчас. За риск. И ещё один- когда выведу ее целой к болгарским ополченцам. Плюс харч на дорогу и дамское седло. Моя старая кобылка такую птицу на хребте не удержит, переломится.

Петр молча расстегнул крючок внутреннего кармана. Руки слегка дрожали. Там, завёрнутый в тряпицу, лежал перстень- печатка отца- тяжёлый золотой круг с тусклым гранатом. Больше дать было нечего. Жалованье задерживали второй месяц.

- Перстень возьму, - кивнул Сорока, оценив камень опытным глазом ювелира- самоучки. - Хороший залог. Седло купишь сам, вон там, маркитанты стоят, спросишь кривого Шмуля, ска-

жешь- от Ефима. Чтоб подпруги крепкие были. Выдвигаема завтра, как стемнеет. Пойдем низами, мимо Измаила. Там плавни такие, что черт ногу сломит, турок туда не сдастся.

- Завтра ночью?- переспросил Петр.- Но манифест подписан вчера. Нас бросят в бой со дня на день. Форсирование...

- Вот именно поэтому завтра,- жёстко оборвал его казак, гася окурок о подошву.- Сегодня армия спит после царского слова. Завтра начнется такой содом, что земля загубит. Артиллерия начнет сушить небо, обозы станут намертво. Никуда твоя краля тогда не пробьется, затопчут. Или того хуже- свои же арестуют за шпионаж, раз паспорта толком нет. Нет у нас времени ждать переправы Его Величества. Либо вплавь по камышам этой ночью, либо прощайтесь.

Слова казака били хлестал, как нагайка. Петр смотрел на мутные воды Дуная. Где- то там, за пеленою мутного дождя, уже дышала чужая, враждебная земля. Война перестала быть строчками в газете и звуками оркестра. Она стала грязью, дизентерией и ценой в два золотых за человеческую жизнь.

- Я принесу седло,- глухо сказал Петр, отдавая перстень.- Будь готов с полуночи.

- Всегда готов,- ухмыльнулся Сорока, пряча золото за щеку, словно леденец- Только вот что, ваше благородие... Барышня эта... она хоть понимает, куда лезет? Там ведь не пахнет лавандой. Там кровью пахнет. Свежей, горячей. И гниёт она быстро, на таком- то солнце.

- Она знает,- ответил Петр, хотя в глубине души сомневался в этом.- Иначе бы не приехала.

Варвара знала. Запах крови встретил ее раньше, чем колеса санитарного дилижанса коснулись румынской земли. На станции Унгени творилось нечто невообразимое. Толпа орущих мужиков в домотканых рубашках, плачущие бабы с узлами, рев скотины, которую гнали на убой для интенданства- все это сливалось в единый гул первобытного хаоса. Здесь не было газовых рожков и вальсов Штрауса. Здесь правил страх, пот и ругань приставов.

Ее английский зажим для артерий остался в Петербурге вместе с иллюзиями. Вместо него в саквояже лежали грубо выкованные ножницы, больше похожие на садовый секатор, и моток серой пакли вместо стерильной корпии.

Когда дилижанс тряхнуло на очередной колдобина, раненый штабс- капитан на соседней лавке застонал особенно тяжело. Варвара попыталась поправить повязку, но пальцы наткнулись на что- то липкое и холодное. Она опустила взгляд. По серому сукна мундира расплзались темное пятно. Шрапнель вырвала ему кусок плеча, и примитивный жгут из офицерского шарфа ослаб. Кровь шла из артерии.

В горле встал ком тошноты. Духи " Л' Оригал" окончательно выветрились, уступив место железистой вони. Вспомнились слова Петра: "Вас запрут в сумасшедшем доме..." Сейчас ей хотелось обратно в тот позолоченный гроб Дворянского собрания. К устрицам и фальшивым улыбкам. Там не нужно было смотреть, как человек умирает от потери крови прямо у тебя на руках, а у тебя нет ничего, кроме грязных рук и паники.

Она схватила капитана за грудки, забыв о субординации.

- Держите!- крикнула она вознице.- Держите рану руками! Давайте здесь!

Женщина навалилась всем телом, чувствуя, как теплые пульсирующие толчки бьют в ладони. Капитан открыл замутненные болью глаза и вдруг слабо улыбнулся ей: - Эх вас, мадам- азель, угораздило.. Прямо ангел смерти ..теплая какая...

Дилижанс въехал на понтонный мост. Под деревянным настилом тяжело и глухо плескался Дунай. Граница империи осталась позади. Впереди была только война.

ВНЫ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.